

Конышев В. Н., Лагутина М. Л.

Возможно ли сопряжение китайской и российской моделей интеграции в Евразии?*

Конышев Валерий Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры теории и истории международных отношений
Доктор политических наук
konyshev06@mail.ru

Лагутина Мария Львовна

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры мировой политики
Кандидат политических наук
manipol@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу проблем и оценке перспектив сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и проекта «Один пояс, один путь», в контексте чего авторы проводят сравнительный анализ евразийских стратегий России и Китая. Актуальность темы статьи обусловлена совместным решением российского и китайского руководства в мае 2015 г. о сопряжении российско-казахстанского и китайского проектов интеграции и развития современной Евразии. Данный проект активно обсуждается в мировом экспертном сообществе. Целью статьи является определение возможных путей и механизмов сопряжения двух проектов, а также оценка выгод сторон от такой формы интеграции. В результате авторы приходят к выводу, что перспективы реализации планов по сопряжению двух проектов интеграции могут быть оценены как неоднозначные.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), «Один пояс, один путь», Экономический пояс Шелкового пути, Россия, Китай, интеграция, сопряжение, Евразия, сотрудничество, евразийская стратегия

Konyshev V. N., Lagutina M. L.

Is it Possible to Combine Russian and Chinese Integration Plans in Eurasia?

Konyshev Valeriy Nikolaevich

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)
Professor of Department of Theory and History of International Relations
Doctor of Science (Political Sciences)
konyshev06@mail.ru

Lagutina Maria Lvovna

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of Chair of World Politics
PhD in Political Science
manipol@mail.ru

ABSTRACT

This article is devoted to analysis of problems and prospects of conjunction of the Eurasian Economic Union (EEU) and the project «One belt, one road». In this context the authors conduct a comparative analysis of Eurasian strategies of Russia and China. The relevance of the topic of the article due to the joint decision of the Russian and Chinese leadership in May

* Исследование выполнено в рамках научного проекта, поддержанного СПбГУ (шифр 17.37.226.2016).

2015 about the conjunction of Russian-Kazakh and Chinese integration projects and the development of modern Eurasia. This project is being actively discussed in the international expert community. The purpose of this article is to identify all possible ways and mechanisms of conjunction of the two projects, as well as an assessment of the benefit of the parties from such forms of integration. As a result, the authors conclude that the prospects for the implementation of plans for the conjunction of the two projects can be assessed as ambiguous.

KEYWORDS

Eurasian Economic Union (EEU), "One belt, One road", Economic belt of Silk Road, Russia, China, integration, conjunction, Eurasia, international cooperation, Eurasian strategy

Идея сопряжения проектов интеграции России и Китая, Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) широко обсуждается в российском экспертном сообществе.

Для России развитие евразийской интеграции в современных условиях приобрело жизненно важное значение. В течение последних 20 лет политика западных соседей по расширению Европейского союза и НАТО привела к тому, что Россия фактически оказалась в геополитической изоляции, в то время как другие государства активно пытались закрепить свое влияние на постсоветском пространстве. Из союзников на постсоветском пространстве Россия пока опирается на поддержку Белоруссии, Казахстана, Армении, Киргизия, в будущем возможно присоединение Таджикистана. США и Западная Европа всегда болезненно воспринимали любые попытки России к экономической и политической интеграции постсоветского пространства, видя в этом неоимперские амбиции Москвы. Х. Клинтон, еще будучи госсекретарем, не раз заявляла, что США будут препятствовать такой политике России¹. Однако мощную внешнюю поддержку интеграции может оказать Китай, который имеет, в отличие от западноевропейских государств, политическую волю и возможности проведения независимого от Запада курса.

России необходимо предложить Китаю модель взаимодействия, которая будет отвечать долгосрочным интересам двух государств.

Интеграционная модель России — ЕАЭС

Инициатором современного интеграционного проекта в Евразии стал президент Казахстана Н. Назарбаев, который еще в 1994 г. озвучил идею создания Евразийского союза. Однако сразу после распада СССР эта идея не нашла должной поддержки среди других стран постсоветского пространства.

Что касается российского подхода, то в 2011 г. президент РФ В.В. Путин сформулировал основные характеристики будущего ЕАЭС:

- *Принцип «глобальности»*, который предполагает создание механизма наднационального объединения, способного играть роль «связки» между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.
- *Принцип «единство в многообразии» как основа межкультурного диалога на евразийском континенте*. Предусматривается открытость будущего союза для всех государств, в том числе европейских.
- *Принцип активного взаимодействия с соседями ЕАЭС как механизм модернизации всего евразийского пространства*. Это взаимодействие основано на

¹ США пытаются помешать интеграционным процессам на постсоветском пространстве: Клинтон [Электронный ресурс]. REGNUM. URL: <http://regnum.ru/news/1602108.html> (дата обращения: 07.12.2012).

правилах свободной торговли и совместимости систем регулирования на уровне государственных и региональных структур от Атлантики до Тихого океана.

- *Принцип разноскоростной и разноуровневой интеграции как инструмент евразийской интеграции («открытый регионализм»)*. Этот принцип означает, что ЕАЭС послужит своего рода центром дальнейших интеграционных процессов путем постепенного слияния уже существующих структур, таких как Таможенный союз и Единое экономическое пространство¹.

В Концепции внешней политики России 2013 г.² задача формирования ЕАЭС (а в будущем — и Евразийского союза) является приоритетной задачей регионального сотрудничества. В концепции говорится о необходимости продолжить укрепление сотрудничества с Белоруссией и Казахстаном, содействовать привлечению к новому образованию бывших союзных республик, совершенствовать механизмы нормативно-правовой базы ЕАЭС.

Проект создания ЕАЭС на сегодняшний день является наиболее масштабным постсоветским геоэкономическим и геополитическим проектом интеграции³. С 1 января 2015 г. новое интеграционное объединение начало свою работу после вступления в силу Договора о ЕАЭС⁴. В институциональной части договора определены принципы функционирования Союза, а также направления его дальнейшего развития. Тем не менее остались неразрешенными ряд институциональных проблем.

Во всех существующих интеграционных образованиях вопрос разграничения компетенций является самым сложным. На данный момент у стран-участниц ЕАЭС отсутствует четкое понимание того, как в новом Союзе должны соотноситься суверенитет и решение наднациональных органов, а также каким образом должно происходить подписание и оформление договорных обязательств органом Союза от имени государств-членов. В действительности ни одна из сфер исключительной компетенции Союза не контролируется им полностью, и остается часть вопросов в компетенции государств-членов.

Кроме того, при создании ЕАЭС шла очень жесткая борьба по вопросу институциональной формы интеграции. Существует огромное количество разногласий в вопросе, должен ли ЕАЭС быть межправительственной организацией с очень широкими функциями национальных правительств или наднациональной организацией.

Что касается проблем на пути практической реализации проекта ЕАЭС, то одной из основных является экономический дисбаланс стран-участниц евразийской интеграции и, как следствие, угроза гегемонии со стороны России. Без сомнения, российские вложения (ресурсы, территория, население, развитая экономика, военно-промышленный комплекс) пока значительно превосходят совокупный потенциал остальных государств формирующегося Союза, но в других подобных

¹ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня / Известия. 3 октября 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 10.10.2016).

² Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 12.02.2013).

³ Blockmans S., Kostanyan H., Vorobio I. Towards a Eurasian Economic Union: The challenge of integration and unity [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ceps.eu/ceps/dld/7544/pdf> (дата обращения: 10.10.2016).

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/upload/iblock/729/2014_2.pdf (дата обращения: 10.10.2016).

объединениях всегда есть свой лидер (США в НАФТА, Германия в ЕС и т. д.). И лидерство не препятствует успеху интеграционного развития в регионах.

Следует отметить, что в рамках ЕАЭС лидерство не означает дотационной политики, как это было долгое время в политике России в отношении Новых независимых государств. В основе новой модели российской интеграции лежат демократические принципы и прагматические решения [10]. То есть речь не идет о возврате к советским моделям периферийной подчиненности центру¹. Например, Казахстан, участвуя в ЕАЭС, стремится сохранять высокий уровень двустороннего сотрудничества и стратегического партнерства с Китаем.

В глобальной перспективе о своем интересе к созданию зоны свободной торговли со странами ЕАЭС заявило около 35 стран, в числе которых: Индия, Сирия, Иран, Новая Зеландия и др. На данный момент зона свободной торговли уже создана с Вьетнамом.

Интеграционная стратегия Китая — проект «Один пояс, один путь»

В КНР в течение последних лет наблюдается процесс пересмотра стратегии развития государства как в сфере внутренней, так и внешней политики. КНР находится на таком рубеже эволюции, когда накопленный экономический и политический потенциал требуют более активной политики на международной арене. Китай стал все заметнее воспринимать себя в новом геополитическом статусе — второй после США экономикой, способной к самостоятельному инновационному развитию.

На международном уровне КНР сталкивается с попыткой США ограничить его влияние во многих регионах мира. В Китае разочарованы темпами строительства «новых отношений» с США, которые все более скатываются к соперничеству [2, с. 2–9]. Конечно, США вовсе не ищут прямого столкновения с Китаем и заинтересованы в сотрудничестве, однако в США его представляют как соглашение Китая с приоритетами американской политики [12, с. 25–27].

На внутриполитическом уровне Китаю необходимо решать проблему диспропорционального развития отдельных регионов и отраслей, которые возникли за последние десятилетия ускоренного экономического развития и роста экспорта товаров. Далекие от побережья районы, такие как Синьцзян-Уйгурский или Нинся-Хуэйский округа Китая гораздо меньше преуспели в развитии экономики. Кроме того, в отдельных отраслях экономики (железнодорожные перевозки, строительство, металлургия) сложился кризис перепроизводства, что также требует выхода на внешние рынки [15, с. 10].

Однако сегодня наблюдается конкуренция сразу нескольких интеграционных проектов в Евразии, с которыми Пекину приходится считаться. Кроме России предложили свои проекты США и Турция². В этих условиях в 2013 г. Си Цзиньпин озвучил идею возрождения Шелкового пути, а в 2015 г. мировому сообществу был представлен более конкретный проект под названием «Один пояс, один путь».

Реализация проекта является частью плана «13-й пятилетки» (2016–2020 гг.), кроме того проект упоминается и во многих актуальных политических документах КНР, например, в плане социально-экономического развития на 2015 г.

¹ Бирюков С. Евразийский союз как новый интеграционный проект: вклад и значение Казахстана [Электронный ресурс] // Русские в Казахстане. Информационный портал. URL: <http://www.russianskz.info/politics/3244-evraziyskiy-soyuz-kak-novyy-integracionnyy-proekt-vklad-i-znachenie-kazahstana.html> (дата обращения: 10.10.2016).

² Воробьев В. Новый Шелковый курс // Россия в глобальной политике. 2014. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-shelkovyi-kurs-16776> (дата обращения: 10.10.2016).

Фактически можно говорить о формировании стратегии Китая не только евразийского, но в перспективе и глобального масштаба.

Однако до сих пор проект не получил достаточно четких очертаний. Пока не вполне оформлены даже географические рамки проекта, в одних случаях председатель Си говорил о Евразии, в других упоминается и Африка. Окончательного перечня потенциальных партнеров Китая тоже не сформулировано, но по примерным оценкам, согласно государственным СМИ Китая, проект «Один пояс, один путь» охватит две трети населения планеты и треть глобального ВВП¹. Во всяком случае, проект претендует на трансконтинентальный характер, так как может связать между собой три континента: Азию, Европу и Африку².

Сущность самого проекта также имеет различные толкования, в одних случаях это проект, за которым стоят планы региональной интеграции под эгидой Пекина с перспективой дальнейшего расширения, в других — только внешне-экономическая стратегия Китая.

Содержательно проект «Один пояс, один путь» включает в себя две составляющие:

- сухопутный «экономический пояс», объединяющий страны на евразийском континенте — ЭПШП;
- «морской шелковый путь XXI века» из Китая в Индийский океан, Персидский залив и Средиземное море, а также в направлении южной части Тихого океана³.

В ходе осуществления данного проекта Китай стремится создать предельно гибкий, открытый, построенный на всеобщем консенсусе механизм. Для этого предлагается придерживаться принципов ООН, открытости и гуманитарного сотрудничества⁴.

Очевидно, что этим проектом КНР намерена реализовать не только свои региональные, но и глобальные экономические цели. ЭПШП предполагает создание трех основных экономических коридоров: северного (Китай — Центральная Азия — Россия), центрального (Китай — Центральная и Западная Азия) — Персидский залив/Средиземное море), южного (Китай — Юго-Восточная Азия — Южная Азия). Катализатором развития коридоров должны стать строительство транспортной и логистической инфраструктуры по всем этим направлениям.

Если для Китая выгодно развитие транспортных и логистических маршрутов по всем направлениям, то между потенциальными партнерами уже идет острая конкуренция. Против российских интересов работает не только желание государств Центральной Азии и Закавказья развить собственную инфраструктуру за счет китайских инвестиций, но и стремление ряда стран перенаправить грузовые потоки мимо российской территории. Именно в этом ключе ЕС поддерживает программу ТРАСЕКА, в рамках которой основной путь в Европу должен идти через Закавказье и Турцию в Европу⁵.

¹ Ibid.

² Tiezzi Sh. The New Silk Road: China's Marshall Plan? // The Diplomat. 2014. 6 November [Электронный ресурс]. The Diplomat. URL: <http://thediplomat.com/2014/11/the-new-silk-road-chinas-marshall-plan> (дата обращения: 10.10.2016).

³ Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» [Электронный ресурс]. Сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1257296.htm> (дата обращения: 23.04.2015).

⁴ Концепцию «Экономического пояса Шелкового пути» обсудили в посольстве КНР в РФ [Электронный ресурс]. Сайт Российского института стратегических исследований. URL: <http://riss.ru/events/9277/> (дата обращения: 03.02.2015).

⁵ Каратаева К. Е. Информационные войны добрались до Шелкового пути [Электронный ресурс] // Сайт Российского института стратегических исследований. URL: <http://riss.ru/analytics/26559> (дата обращения: 10.10.2016).

Таким образом, в планах проекта «Один пояс, один путь» просматривается видение руководством КНР современной евразийской интеграции, в основе которого создание безопасного и стабильного евразийского экономического пространства «Большой Евразии» от берегов Тихого океана до берегов Балтийского и Средиземного морей.

Китайское руководство намерено уделять большое внимание активному использованию имеющихся многосторонних механизмов сотрудничества. По замыслу Пекина, многостороннее взаимодействие должно помочь странам-участницам в обмене информацией и опытом при развитии регионального сотрудничества. Новые экономический и морской пояса будут опираться на уже существующие региональные площадки сотрудничества Китая с другими государствами.

Уже сейчас все соглашения с участием КНР, подписанные в рамках инициативы «Один пояс, один путь», оказывают сильное влияние на архитектуру мировых рынков. Фактически происходит перераспределение мировых финансовых и инвестиционных потоков¹.

Очевидно, что реализация такого масштабного проекта натолкнется на ряд проблем. Прежде всего Китаю предстоит учитывать интересы других государств, претендующих на ведущую роль на современном евразийском пространстве. Согласования по китайскому проекту интеграции потребуются и со странами ЕС, хотя китайские эксперты отмечают, что этот союз теряет свое глобальное влияние [14, с. 138].

Кроме того, в АТР и Юго-Восточной Азии далеко не все государства в принципе разделяют китайское видение будущего региона. Концепция Шелкового пути вызывает определенные опасения соседних государств, включая Японию, Вьетнам, Филиппины и Сингапур, которые опасаются, что Китай постарается установить жесткий контроль в ключевых пунктах вдоль морских маршрутов [13, с. 20]. Эксперты обращают на это внимание, потому что современные китайские политики и чиновники склонны широко использовать исторические прецеденты для обоснования легитимности своих действий [11, с. 165]. Это та часть политической культуры Китая, которую порой недооценивают и в России, и на Западе.

Другая проблема связана с тем, что при реализации проекта «Один пояс, один путь» придется учитывать разницу экономического потенциала стран-кандидатов на включение в китайский проект. С другой стороны, если Китаю удастся мобилизовать необходимые ресурсы, то для государств-получателей это сулит выгодные инвестиции.

Еще более сложная проблема на пути интеграции может возникнуть из-за разнообразия политических систем и этно-конфессиональных противоречий в азиатских государствах-участниках проекта. Привести это к «одному знаменателю» — весьма сложная задача.

В документах, раскрывающих идею «Шелкового пути», практически не проработаны подходы к обеспечению безопасности экономического пояса Шелкового пути. Там даже нет оценки той неопределенности, которая складывается вокруг будущего Пакистана, Афганистана, Ирака и Сирии, а также перспектив развития ситуации в этих странах.

Значительной проблемой может стать слишком долгий срок реализации проекта «Один пояс, один путь». Согласно настоящим планам, это займет примерно 30 лет (проект планируется закончить к 2049 г.). За этот период вполне может измениться геополитическая ситуация в регионе и мире, а китайская экономика просто может «перерастись».

¹ Дорошенко Е. Шелковый путь в 3D-проекции: экономика, геополитика или стратегия? [Электронный ресурс] // Евразийский коммуникационный центр. URL: <http://eurasiancenter.ru/economyperspectives/20150708/1004145198.html> (дата обращения: 08.07.2015).

Наконец, по мнению китайских экспертов, Китай, несмотря на свое экономическое могущество в современном мире, пока не обладает достаточным политическим могуществом и региональным влиянием. Недостаточно у КНР и опыта по многостороннему взаимодействию [4; 5].

В целом рождающаяся евразийская стратегия Китая, с одной стороны, направлена на обеспечение оптимальных внешних условий для продвижения внешних и внутренних экономических интересов государства, а с другой, широкое международное сотрудничество рассматривается в Китае как важное условие обеспечения безопасности и стабильности в современной Евразии.

Сопряжение проектов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути

Концепция воссоздания Шелкового пути в Евразии вызывает все больший интерес в России. Однако часть экспертов рассматривает этот проект скорее как конкурентный деятельности ЕАЭС. Высказывались опасения по поводу того, что Россия может потерять свои позиции в Центральной Азии, а в перспективе и на всем постсоветском пространстве. А Китай, беря на себя значительную долю ресурсных и финансовых затрат, вправе рассчитывать на соответствующие рычаги контроля и распределения прибыли.

Со своей стороны, китайское руководство изначально стремилось успокоить своих российских партнеров в отношении своей новой евразийской стратегии и предлагаемый формат сотрудничества, по мнению китайских экспертов, может «способствовать улучшению обстановки по безопасности в ближнем зарубежье двух стран» [7], не говоря уже об экономических выгодах.

Необходимо отметить, что условия для долгосрочного сотрудничества России и Китая уже созданы, а политика США даже подталкивают Китай и Россию к экономическому сотрудничеству, не допуская их в новый проект Транстихоокеанского партнерства. В направлении двустороннего сотрудничества долгосрочного характера сделаны заметные шаги: проекты по строительству газопровода «Сила Сибири», скоростной магистрали «Казань — Москва».

В итоге Россия и Китай официально договорились о состыковке ЕАЭС и ЭПШП: 8 мая 2015 г. президент РФ В. В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подписали совместное заявление по сопряжению двух проектов¹. На саммите ШОС в г. Уфе были заложены основы нового этапа развития евразийского континента, которые меняют геополитическую ситуацию на евразийском континенте. Декларация направлена на нивелирование разногласий между РФ и КНР.

Практическая реализация сопряжения возможна по пути создания зоны свободной торговли и объединения возможностей транспортных систем, создаваемых в ЕАЭС и ЭПШП. Однако в современных условиях создание зоны свободной торговли с Китаем многими российскими экспертами оценивается как довольно спорный шаг [3; 6, с. 149]. Причина состоит в том, что в китайской двусторонней системе торговли со странами ЕАЭС превалирует схема торговли «ресурсы за промышленную продукцию». В этом случае намерения стран ЕАЭС расширить рынки сбыта своей продукции не будут реализованы, а создание зоны свободной торговли будет лишь в одностороннем порядке укреплять и без того сильные позиции Китая и стимулировать китайскую промышленность. Едва ли такая дис-

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 10.10.2016).

пропорция отвечает интересам экономики ЕАЭС [6, с. 149]. Но хотя страны ЕАЭС пока не готовы к созданию полноценной зоны свободной торговли с КНР, это не исключает развития других форм экономического партнерства.

В частности, речь идет о сотрудничестве в развитии инфраструктуры и системы транспортных коридоров Евразии в рамках сопряжения ЕАЭС с китайским проектом ЭПШП. Россия обладает уникальным географическим положением и достаточно развитой системой транспортно-коммуникационных услуг: «занимая более 30% территории евроазиатского континента, Россия может играть особую роль в обеспечении связи между двумя регионами, став естественным транспортным мостом между Европой и Азией» [9]. Российская транспортно-коммуникационная сеть достаточно хорошо развита во всех сегментах: железнодорожный транспорт, морские порты, сеть воздушных линий и аэропортов: Севморпуть, транспортный коридор «Север-Юг» (из России к Ирану и южным морям), Транссибирская магистраль, Северный широтный ход (к Ямалу), магистраль «Белкомур» (от Архангельска до Урала). В этом состоит потенциал для обеспечения большого объема транзитных перевозок между Европой и Азией.

На сегодняшний день уже запущен ряд проектов в контексте будущего сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. В частности, проект по организации высокоскоростного железнодорожного движения в РФ, первым этапом которого стало строительство участка «Москва — Казань», который пройдет по территории 7 субъектов РФ, а дальнейшее развитие линии предполагает продление до Екатеринбурга.

Глядя в перспективу, необходимо отметить, что в России сохраняется ряд нерешенных проблем на пути сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Прежде всего, российская модель модернизации явно проигрывает в эффективности китайской, что неизбежно порождает отставание России в темпах экономического и технологического развития. В итоге Китай перешел от стратегии догоняющего развития в пользу стратегии инновационной, создаваемой на собственных наработках по контролю и макрорегулированию экономики [8, с. 22–24]. Но можно ли рассчитывать России на равное партнерство, если управление ее экономикой так и не претерпело серьезных реформ?

Еще одна трудность связана с тем, что ЕАЭС не обладает достаточной институциональной самостоятельностью. Это порождает целый ряд вызовов, которые требуют реагирования со стороны России, если она не хочет «растворения» своего проекта интеграции в китайском. Договоры о будущем торгово-экономическом сотрудничестве планируется подписать между Китаем и ЕАЭС, поэтому России необходимо в ускоренном порядке организовать координацию политики со своими партнерами. Иначе открытие рынков ЕАЭС для китайских товаров способно уничтожить местное производство из-за неконкурентоспособности.

В более дальней перспективе возникает и необходимость согласования зон свободной торговли между ЕАЭС, ЭПШП и ЕС¹. Если Китай выступает за сотрудничество в любых форматах, то России выгоднее образование консолидированной позиции своих партнеров в рамках диалога ЕАЭС — Китай.

Проблема сопряжения и эволюция БРИКС

На фоне растущего интереса к БРИКС, который начинался как финансовый проект, но уже приобретает экономическое, геополитическое и идеологическое измерения, встает вопрос, каким образом планы сопряжения ЭПШП и ЕАЭС

¹ Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП: вызовы и перспективы. 11.11.2015. [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. URL: <http://ria.ru/economy/20151111/1318910422.html> (дата обращения: 10.10.2016).

укладываются в деятельность этого форума? Экспертные мнения на этот счет неоднозначны. Если БРИКС-«оптимисты» в основном упирают на политические соглашения и политическую волю к сотрудничеству, то «пессимисты» апеллируют к различиям и противоречиям, которые не так-то легко преодолеть.

В частности, ряд экспертов считает, что потенциал БРИКС как системообразующей организации будущего несколько преувеличен. Этот пафос основан на сближении интересов государств, разделяющих идею многополярного мира. Страны БРИКС пытаются занять ведущие места в мировой политике, но для этого необходимо создать собственное пространство (экономическое, политическое, военное) глобального масштаба. Конечно, в определенной мере этот общий интерес сближает геополитические приоритеты стран БИРКС, но возникающая взаимосвязь еще не означает, что из географически удаленных государств, обладающих различными экономическими потенциалами, темпами развития и структурой экономики, разными политическими режимами и социально-политическими условиями, возникает интеграционное объединение. Простое сложение экономических и других показателей, которым так часто манипулируют, вовсе не равно интеграции. Более того, между некоторыми странами БРИКС существуют глубокие противоречия по территориальным вопросам и в сфере безопасности — достаточно напомнить Индию и Китай. В вопросах лидерства явно будут сталкиваться Россия и Китай, что уже показал опыт развития ШОС. Тем более, что в российском и китайском подходе к перспективам развития БРИКС есть различия. Если для КНР важнее экономическая составляющая, а экономическое развитие видится по линии максимального избегания конфликтов, то Россия имеет в виду политическую и военную перспективу. Антизападный вектор в современной российской политике также едва ли устроит других членов БРИКС [1, с. 205–206; 8, с. 13–14, 20].

* * *

Перспективы реализации планов по сопряжению двух проектов интеграции, ЕАЭС и ЭПШП могут быть оценены как неоднозначные. Неопределенности возникают по нескольким измерениям: не определены конкретные планы и стратегии интеграции, правовые рамки и механизмы сотрудничества, которые касаются не только Китая и России, но в еще большей мере государств постсоветского пространства. Темпы и направленность развития экономик Китая и России пока не дают оснований ни для равноправного партнерства, ни для сохранения и укрепления влияния России в странах ближнего зарубежья.

Чтобы «выровнять» свои позиции, России необходимо быстро перейти на новую модель экономического развития, ориентированную не на борьбу с инфляцией и поддержку банковского сектора в зависимости от колебаний внешней конъюнктуры, а на рост инвестиций и инноваций в реальное производство. На следующем этапе необходимо разработать условия политического и экономического взаимодействия со странами-участниками ЕАЭС, которые позволят сохранить влияние России в процессе сопряжения проектов ЕАЭС и ЭПШП. В противном случае процессом сопряжения будет руководить Китай. В отношениях с Китаем необходимо добиваться таких условий сотрудничества, которые позволяют быстро развивать российские производственные мощности, а не увеличивать объемы поставок сырья за рубеж.

Литература

1. Быков О. Н. Геополитический статус России : В 2 кн. Кн. 2. М. : ИМЭМО РАН, 2015. С. 205–206.

2. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Новая военная доктрина Барака Обамы и национальные интересы России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 14 (155). С. 2–9.
3. Корабоев И. От региональной интеграции Центральной Азии к Евразийскому интеграционному пространству? Меняющаяся динамика постсоветского регионализма // Евразийская экономическая интеграция. 2010. № 3 (8). С. 5–32.
4. Ли С. Об оздоровлении мирового порядка и новом мышлении в китайской дипломатии // Россия и Китай в Евразийской интеграции. Сотрудничество или соперничество? М.; СПб. : Нестор-История, 2015. С. 22–30.
5. Ли С. Экономический пояс Шелкового пути: стратегическая попытка реализации «Китайской мечты» // Россия и Китай в Евразийской интеграции. Сотрудничество или соперничество? М.; СПб. : Нестор-История, 2015. С. 153–168.
6. Мендкович Н. На пути к Евразийскому экономическому чуду. Россия и интеграция на постсоветском пространстве. М. : Алгоритм, 2015. С. 149.
7. Ню И., Ван Ч. К вопросу о китайском экономическом поясе Шелкового пути и проекте США «Новый Шелковый путь»: сравнительный анализ // Россия и Китай в Евразийской интеграции. Сотрудничество или соперничество? М.; СПб. : Нестор-История, 2015. С. 311–319.
8. Окунева Л. С. БРИКС: проблемы и перспективы. Аналитические доклады. Выпуск 2(32). Март 2012. М. : «МГИМО — Университет», 2012. С. 22–24.
9. Рогов С. Евразийская стратегия России // Экономические стратегии. 2000. № 6. С. 50–61.
10. Тренин Д. В. Post-Imperium: евразийская история. М. : Московский центр Карнеги, РОССПЭН, 2012.
11. Blanchard J.-M., Lin K. Contemplating Chinese foreign policy: approaches to the use of historical analysis // Pacific Focus. 2013. Vol. XXVIII. N 2. P. 165.
12. Brzezinski Z. Why we need a U. S. «Pacific Charter» for global stability // New Perspective Quarterly. 2015. Vol. 32. Is. 1. P. 25–27.
13. Tharoor S. China's Silk road — and the fears it stirs — are deeply rooted in country's history // New Perspective Quarterly. 2015. Vol. 32. Is. 1. P. 20.
14. Wang Z. Europe in China's incremental intercontinentalism // Asian Politics and Policy. 2015. Vol. 7. Is. 1. P. 138.
15. Ying F. Answering four questions about china's rise // New Perspective Quarterly. 2015. Vol. 32. Is. 1. P. 10.

References

1. Bykov O. N. *Geopolitical status of Russia* [Geopoliticheskiy status Rossii]. In 2 books. Book 2. М. : Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences [ИММО РАН], 2015. P. 205–206. (rus)
2. Konyshov V. N., Sergunin A. A. *New military doctrine of Barack Obama and national interests of Russia* [Novaya voennaya doktrina Baraka Obamy i natsional'nye interesy Rossii] // National interests: priorities and safety [Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost']. 2012. № 14(155). P. 2–9. (rus)
3. Koraboev I. *From regional integration of Central Asia to the Eurasian integration space? The changing dynamics of a Post-Soviet regionalism* [Ot regional'noi integratsii Tsentral'noi Azii k Evraziiskomu integratsionnomu prostranstvu? Menyayushchayasya dinamika postsovetsskogo regionalizma] // Eurasian economic integration [Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya]. 2010. № 3 (8). P. 5–32. (rus)
4. Li S. *On improvement of a world order and new thinking in the Chinese diplomacy* [Ob ozdorovlenii mirovogo poryadka i novom myshlenii v kitaiskoi diplomatii] // Russia and China in the Eurasian integration. Cooperation or rivalry? [Rossiya i Kitai v Evraziiskoi integratsii. Sotrudnichestvo ili sopernichestvo?]. М. ; SPb. : Nestor–History, 2015. P. 22–30. (rus)
5. Li S. *Economic belt of the Silk way: strategic attempt of implementation of "The Chinese dream"* [Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti: strategicheskaya popytka realizatsii «Kitaiskoi mechty»] // Russia and China in the Eurasian integration. Cooperation or rivalry? [Rossiya i Kitai v Evraziiskoi integratsii. Sotrudnichestvo ili sopernichestvo?]. М. ; SPb. : Nestor–History, 2015. P. 153–168. (rus)
6. Mendkovich N. *On the way to the Eurasian economic miracle. Russia and integration at the former Soviet Union* [Na puti k Evraziiskomu ekonomicheskomu chudu. Rossiya i integratsiya na postsovetsskom prostranstve]. М. : Algorithm, 2015. P. 149. (rus)

7. Niu I., Van Ch. *On a question of the Chinese economic belt of a silk way and project of the USA "A new Silk way": the comparative analysis* [K voprosu o kitaiskom ekonomicheskom poyase shelkovogo puti i proekte SShA «Novyi Shelkovyi put'»: sravnitel'nyi analiz] // *Russia and China in the Eurasian integration. Cooperation or rivalry?* [Rossiya i Kitai v Evraziiskoi integratsii. Sotrudnichestvo ili sopernichestvo?]. M. ; SPb. : Nestor–History, 2015. P. 311–319. (rus)
8. Okuneva L. S. *BRICS: problems and prospects* [BRICS: problemy i perspektivy]. Analytical Reports. Release 2(32). March, 2012. M. : “MGIMO — University”, 2012. P. 22–24. (rus)
9. Rogov S. *Eurasian strategy of Russia* [Evraziiskaya strategiya Rossii] // *Economic strategy* [Ekonomicheskie strategii]. 2000. № 6. P. 50–61. (rus)
10. Trenin D. V. *Post–Imperium: Eurasian history* [Post–Imperium: evraziiskaya istoriya]. M. : Moscow center of Carnegie, ROSSPEN [Moskovskii tsentr Karnegi, ROSSPEN], 2012. (rus)
11. Blanchard J.–M., Lin K. *Contemplating Chinese foreign policy: approaches to the use of historical analysis* // *Pacific Focus*. 2013. Vol. XXVIII. N 2. P. 165.
12. Brzezinski Z. *Why we need a U.S. «Pacific Charter» for global stability* // *New Perspective Quarterly*. 2015. Vol. 32. Is. 1. P. 25–27.
13. Tharoor S. *China's Silk road — and the fears it stirs — are deeply rooted in country's history* // *New Perspective Quarterly*. 2015. Vol. 32. Is. 1. P. 20.
14. Wang Z. *Europe in China's incremental intercontinentalism* // *Asian Politics and Policy*. 2015. Vol. 7. Is. 1. P. 138.
15. Ying F. *Answering four questions about china's rise* // *New Perspective Quarterly*. 2015. Vol. 32. Is. 1. P. 10.